

Место увековечивания памяти евреям, уничтоженным во время Второй мировой войны в советском мемориальном ландшафте

Александра Черкасски

Рурский университет, Германия

Аспирант

E-mail: Alexandra.Tcherkasski@ruhr-uni-bochum.de

Аннотация. В данной статье рассматривается советская мемориализация еврейских жертв на территории Советского Союза, уничтоженных во время Второй мировой войны. Главным образом обращается внимание на вопрос, где и при каких условиях было выделено еврейским жертвам место в советской политике памяти ко Второй мировой войне и таким образом были определены формы по увековечиванию памяти в пространстве советского мемориального ландшафта.

Ключевые слова: мемориализация холокоста; советская политика памяти; еврейские жертвы; советские евреи; европейские евреи; депортации; Саласпилс; Румбула; Яма-памятник; памятники.

УДК 93/94

Введение. В этой статье будут главным образом рассматриваться процессы и попытки по установке памятников еврейским жертвам Второй Мировой войны в Советском Союзе, как на официальном, так и на частном уровнях.

Если идёт речь о советской официальной государственной памяти, то результируя из структуры политического правления Советского Союза, имплицитно понимается понятие «политика памяти». Это государственно контролирующаяся нормативная память, которая проходит или проходила на общественной арене, в то время как иные интерпретации и варианты были смещены в частную память [1]. Исходя из этого, следует провести различие между официальными, общественными, хорошо доступными местами памяти с одной стороны и кладбищами, либо тяжело доступными местами массового уничтожения и захоронения — с другой. Официальные центральные места (площади и скверы), которые находятся у всех на виду, а так же места в пригородах, на местах массовых захоронений, где регулярно в качестве образовательной программы проводятся экскурсии, являются частью государственной памяти. Кладбища или места без стабильной инфраструктуры, где не проходят экскурсии и которые не являются частью образовательной программы, носят частный характер. То есть, они все же являются составной частью общественной культуры, которая вытеснена из официальной памяти в частную.

В настоящем исследовании я постараюсь показать на основе конкретных примеров как происходило увековечение памяти еврейских жертв нацизма на территории советских республик в послевоенный период, и с какими трудностями сталкивались еврейские общины и просто инициативные группы граждан в своих усилиях подчеркнуть еврейскую принадлежность захоронений и добиться утверждения еврейской символики на памятниках и памятных знаках жертвам Фашизма. Но, сперва, пару слов о статусе евреев в Советском Союзе. Понятие еврей имелось два разных значения. Первое как национальный признак а второй как одно из вероисповеданий. Как национальный признак советские евреи обладали всеми правами и обязанностями как и все другие национальности, проживавшие на советской территории. Более того, после основания Еврейской автономной области в 1934 г. пять депутатов от этой национальной территории стали входить в Совет Национальностей Верховного Совета СССР [2]. Таким образом с 1934 г. советские евреи являлись формально территориальной национальностью [3]. Не советские, иностранные евреи, в тоже время, рассматривались как совсем другая группа, а именно группа иностранных граждан, без какой либо принадлежности к Советскому Союзу. Желавшие на переселение в Еврейскую автономную область из-за границы рассматривались весьма тщательно государственными органами и во время чистки в середине 30-х годов были заподозрены в шпионаже и подверглись репрессиям [4]. Об этом свидетельствует так же история в 1940 г., когда Чекменев Е. И., Начальник Переселенческого Управления при СНК СССР, получил запрос из Берлинского и Венского переселенческого бюро, не может ли Советский Союз принять к

себе в Биробиджан и на западную Украину евреев проживавших на немецкой территории. Ответ был отрицательный, мотивируя тем, что евреи не относятся к той группе населения, о которых был заключён договор об эвакуации Советским Союзом с Германией [5]. Что касается вероисповедания, то так как в Советском Союзе было с 1918 г. и законодательно с 1929 г. жёсткое разделение между государством и церковью, то вся духовная деятельность всех советских конфессий стояла под надзором специально для этого созданной инстанции (инстанций), с 1943/1944 Совет по делам религиозных культов и Совет по делам русской православной церкви, позже Совет по делам религий. Исходя из этих структур все действия зарегистрировавшихся еврейских/ иудейских религиозных общин и обществ диктовались и контролировались непосредственно этими инстанциями. Установка памятников, однако входила в компетенцию отделов коммунального хозяйства до середины 1950-х г. После основания Министерства Культуры СССР 1953 г. и их территориальных ответвлений дело установки памятников перешло в их органы [6]. Кладбищенское дело административно относилось так же к отделам коммунального хозяйства. Фактически однако, в особенности конфессиональные кладбища или конфессиональные участки на общих кладбищах, в связи с большим объёмом работы, были часто переданы для ухода и благоустройства религиозным общинам [7]. То есть, религиозный ритуал в форме поминок (ежегодных) и специфической символики на надгробных плитах и памятниках в некоторых местах был вынесен за пределы, которые предписывались отделами по делам религиозных культов. Кладбища в отличие от молельных зданий не входили в компетенцию Совета по делам религий — даже конфессиональные. Во избежание административных путаниц, на объединённом Совете по делам религиозных культов и Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров Союза ССР обсуждался этот вопрос и было постановлено, что кладбищенское дело находится под надзором органов коммунального хозяйства и „в силу этого вопрос о состоянии кладбищенского хозяйства не может входить в компетенцию работы обоих Советов“ [8]. Таким образом многие конфессиональные кладбища стали так называемой „серой зоной“, в которой при условиях передачи территории кладбища религиозной общине под уход, было возможно увековечить память родным и близким погибшим во время Второй Мировой войны. Установка памятников в общественных местах или на местах братских могил, религиозным группам без соответствующих разрешений была не возможна. Попытки вопреки этому заканчивались для инициативных групп часто судебными процессами и как правило сроками заключения [9].

Удивительно, кажется, что на территории Советского Союза все же можно было найти памятники или мемориальные комплексы, где были теми или иными способами упомянуты еврейские жертвы нацизма. Существуют отдалённые мнения, что в Прибалтике тематика холокоста фигурировала в более обширном и на более свободном уровне чем в других республиках [10]. Хоть в Советском Союзе у союзных республик была своего рода автономия, идеологические вопросы решались на государственном, централизованном уровне. А группы жертв были одной из деликатных тем нарратива Великой Отечественной войны, которые контролировались исключительно на государственном уровне. Что бы рассеять такого рода предположения, здесь будет рассматриваться и сравниваться история памятников Румбулы и Саласпилс в Латвийской ССР так же как памятника Ямы в Минске в Белорусской ССР.

Латвийская ССР

На территории бывшего лагеря смерти Саласпилс (он же отражался в документах одно время как расширенная тюрьма а позже трудовым-исправительным лагерем для мирного населения всех возрастов и социальных слоев, в отличие от лагеря военнопленных, шталага-350, находившегося так же в городе Саласпилс [11]) неподалёку от Риги в 1967 был воздвигнут мемориальный комплекс жертвам фашизма. Это большая площадь на которой размещены мемориальные плиты символизирующие бараки, скульптурные группы характеризующие страдания и в тоже самое время непоколебимость духа узников, памятный камень — место бывшей виселицы и по всей площади проходящая "дорога страданий". При входе в комплекс стоит стена разделяющая символически жизнь и смерть. Внутри этой стены находится мемориальный музей. Скульптуры, бараки, камень и музейная выставка не несут никаких признаков, которые бы указывали на этническую принадлежность жертв. В книге, изданной 1975 г. на русском языке — на латышском в 1973 г. — посвящённой концентрационному лагерю Саласпилс, можно однако прочесть

следующее: „Самыми первыми — ещё в 1941 году — через Саласпилский конвейер смерти прошли тысячи граждан Австрии, Чехословакии, Польши и других оккупированных гитлеровцами стран Европы, главным образом, евреев“ [12]. Заготовки такого рода идеи увековечивания еврейских иностранных граждан как отдельную группу была уже в 1960 году, в условиях конкурса на создание композиции мемориала концлагеря Саласпилс, объявленной Центральным Комитетом Латвийской Компартии, напечатанной в газете Циня 19 января 1960 г. [13]. Из списка данного в статье, о том что необходимо увековечить, отмечен „барак для политических заключённых из Чехословакии, Польши, Югославии и других европейских государств“. Там ещё не указывалось, что идёт речь о европейских евреях, депортированных в Латвию на смерть. Их относили, как сказано в тексте, к категории политических а не расовых жертв фашизма. Не удивительно, что советские евреи в таком контексте не могли фигурировать как особая группа жертв фашизма по расовому принципу, если даже иногражданские были отнесены в начале 60-х г. к категории политических жертв.

Памятник в Румбуле недалеко от Риги является примером того, в каких условиях и какими усилиями религиозных групп в советские годы создавался памятник с еврейской символикой. Румбула — это небольшой лесной массив в районе Риги. В нем были уничтожены десятки тысяч евреев Риги, в том числе евреев стран Европы, которых начиная с ноября 1941 года в массовом порядке для уничтожения депортировали из Рейха на территорию Латвии. В связи с развитием увековечивания памяти гражданскому населению на официальном и общественном уровнях на примере лагерей Саласпилса и Бикерниецкого леса с начала 60-х годов, 1962 г. группа Рижских евреев поставила ходатайство перед Председателем Исполкома Рижского районного совета депутатов трудящихся о возглавлении и подготовке гражданской панихиды на месте массового истребления советских граждан еврейской национальности в Румбуле. Параллельно на месте массового уничтожения в Румбуле активистами была прибита к дереву деревянная доска с надписью на идише: „Здесь навсегда умолкли голоса 38 тысяч рижских евреев. 29/30.11.-8/9.12.1941“. Первый ответ на ходатайство был отрицательным, мотивируя тем, что: „ежегодно в Саласпилсе проводится день памяти погибших — зверски убитых граждан всех национальностей“ [14]. Но 1-го декабря последовал следующий ответ который обнадежил инициаторов. 9-го декабря 1962 года [15], в день годовщины, по еврейскому календарю, в Румбуле состоялся первый несанкционированный митинг. В последующие месяца проходили дальнейшие митинги, посвящённые второй акции и в апреле 1963 г. к 20-летию в память о восстании Варшавского гетто. К этому памятному дню на месте массовых расстрелов был установлен памятный знак — чёрная деревянная доска, в которую был вмонтирован рисунок художника Йосифа Кузьковского „В последний путь“. Задняя сторона доски была покрыта красными мазками, которые напоминали капли крови.

1963г. представители еврейской общественности Латвии обратились в исполком областного совета народных депутатов за разрешением о создании в Румбуле на месте массовых расстрелов кладбища и памятника евреям — жертвам нацистского террора. 3-го мая 1963 года Министерство культуры Латвии дало разрешение на создание в Румбуле на месте массовых расстрелов и захоронений кладбища и памятника [16]. Проект архитектора Исаака Рахлина был согласован со всеми инстанциями и принят Рижским облисполкомом. Оставалось только утвердить текст надписи, на что требовался более высокий уровень согласования, так как речь шла о государственной идеологии — в той сфере, где вольности не допускались [17]. Летом 1964 года был принят проект текста Министерством культуры Латвийской ССР: „Жертвам фашизма. 1941, 30.XI.-8.XII.“ на трёх языках: латышском, русском и идиш. Во время изготовления плиты с надписью пришло указание „свыше“ — текст на идиш убрать. Ведь в союзных республиках были приняты надписи на памятниках и памятных досках на двух языках — русском, государственном и республиканском. В Латвийской республике соответственно был латышский второй язык. Идиш был не уместен.

Шмуэль (Буби) Цейтлин, один из главных активистов мероприятия не пал духом и направил телеграмму на имя Первого Секретаря ЦК КПСС Никиты Сергеевича Хрущева с просьбой сохранить надпись на идише. Из ЦК КПСС пришёл ответ о приглашении автора телеграммы на собеседование и на имя ЦК КП Латвии пришло распоряжение „по возможности учесть национальность жертв, погибших в этих местах“ [18]. В результате, текст на идише оставили, а на памятнике добавилась традиционная советская символика —

герб с серпом и молотом — , а так же даты подверглись корректировке. Вместо 30.11.-8.12.1941 гг. - двух нацистских „акций“, в ходе которых были в основном уничтожены евреи Латвии, были поставлены даты 1941—1944 гг. И даже сам Шмуэль Цейтлин изумлённо пишет: „хотя было доподлинно известно, что массовые расстрелы советских граждан в Румбульском лесу после 1941 года не происходили“. Таким образом в число жертв были включены жертвы евреи, депортированные в Латвию из других стран Европы, а также советские военнопленные, которых нацисты в 1944 году заставили экзугумировать, а затем сжечь останки жертв, после чего их расстреляли и закопали на том же самом месте.

На второй плите текст на русском и латышском гласил: „В 1941-1944 годах здесь в Румбульском лесу были зверски расстреляны и замучены 50 тысяч советских граждан, политических заключённых, военнопленных и других жертв фашизма“.

В ходе этой „эпопеи“ стало очевидно, что увековечить память жертв фашизма только из числа советских евреев с указанием на их этническую принадлежность оказалось делом невозможным. Надписи на идиш, символизирующие национальную принадлежность жертв могли быть акцептованы советскими властями только учитывая их иную государственную принадлежность — не советских граждан. В рамках этой логики еврейская символика в увековечивании памяти жертв Холокоста оказалась применима исключительно к „политзаключённым и другим жертвам“, как было видно из примера Саласпилс. В Латвии ими стали евреи из других стран Европы, которых депортировали на смерть с конца ноября 1941 года непосредственно в леса Риги [19] либо в начале в гетто и лагеря в Юнгфернхоф, Кайзервальд и Саласпилс, после ликвидации которых, всех выживших расстреляли. Хоть Румбула официально декларирована кладбищем, но так как на нем начали проводиться регулярно митинги и другие мероприятия с присутствием работников городского правления, в плоть до публикации в республиканской газете 26.10.1965 [20], место это можно отнести как к частному, так и к общественному пространству по увековечиванию памяти.

Белорусская ССР

Последним примером в этом ряду станет история создания памятника жертвам Холокоста в столице Белоруссии — Минске. Памятник был возведён на месте бывшего еврейского гетто, где 2-го марта 1942 года нацистами была проведена акция по его „зачистке“. Среди местного населения это место носило название „Яма“. В 1946 году по инициативе группы минских евреев, переживших Холокост, на этом месте был воздвигнут памятник, надписи на котором были исполнены на двух языках — русском и идиш. Хотя и было разрешение от главлита, репрессии начались позже. Одним из пострадавших стал камнетес М. Спришен. Ему во время допросов так же ставилось в вину авторство и работа над памятником. Ссылки на то, что проект памятника был согласован с местными властями не помогли. Мордух Абрамович Спришен был арестован и осуждён „как участник антисоветской националистической группы, существующей при минской синагоге“ [21]. Несмотря на протесты еврейской общественности вплоть до конца 60-х годов памятник находился под постоянной угрозой сноса. Тот факт, что памятник сохранился до наших дней кажется чудом.

В 1988 году он вместе с другими городскими памятниками был опубликован в „Собрании исторических и культурных памятников Белоруссии“, выпущенной Академией наук БССР, как часть серии книг от Академии Наук СССР. В ней он представлен „Памятником на могиле жертвам фашизма“, в краткой статье рассказывается о евреях из Гамбурга, которые были депортированы в Белоруссию в минское гетто и были уничтожены [22]. Жертвы из числа местных евреев в этой статье даже не упоминаются. В библиографии к статье содержатся ссылки на источники 1965 и 1967 гг., в которых история минского гетто излагается не только о местных евреях, но и в привязке к депортированным на территорию оккупированной Белоруссии евреям из города Гамбурга [23].

В этом свете становится понятным чудо сохранения памятника до конца советской эпохи — он попросту был переосмыслен и получил другой исторический подтекст. Инициативная группа минских евреев после окончания войны ставило перед собой цель — увековечить память своих погибших родных и близких. С течением времени усилиями государственной идеологии и подчинённой ей литературе он стал излагаться в общественном пространстве как памятник евреям — гражданам другого государства.

Выводы. Из показанных примеров можно сделать следующие выводы. Тематика

уничтожения евреев на памятниках, памятных знаках и соответствующей литературе в которой они отражались в общественном пространстве решалась исключительно на государственном уровне, не зависимо от автономии союзных республик. Удостоверится этому можно, из такого ряда фактов. Во первых, сооружению мемориалов в Саласпилсе и Шталаге-350 предшествовал судебный процесс в 1959 г. над Магнуссом Качеровским, инженером лагеря с 1941 г., участвовавшего так же в насилие над узниками лагеря. Последней инстанцией судебного процесса была Москва, где виновник был приговорён к высшей мере наказания [24]. Во вторых, с 1946 г. строительство дорогостоящих памятников должно было „производиться с санкции союзного правительства“ [25]. То есть проектировка мемориального комплекса Саласпилс должна была быть согласована с центральным правлением в Москве так же как и надписи на Румбульском памятнике. В третьих, литература вышедшая о Саласпилсе была так же идеологически проверена, так как книги издавались не только на латышском и русском — что уже говорит о многом, на пример о принадлежности книги для массового распространения в государстве — но и на иностранных языках, предназначенных для заграницы, чем занимались исключительно отделы пропаганды а не издательства сами по себе. К этой же категории можно конечно же и отнести издательство выпущенное Академией Наук Белорусской ССР, где не случайно памятник переосмыляется в том же жанре, как и примеры памятников в других республиках [26]. Таким образом место еврейской трагедии Второй Мировой войны в советском нарративе было смещено. Только на сей раз не за территориальные приделы советских границ, как это уже раньше практиковалось. Тут было чётко проведено различие между советскими евреями, частью советского народа, пострадавшего во время войны и инородным телом, иностранными евреями, привезёнными на гибель на территорию Советского Союза, которых нужно было увековечивать как отдельную внесоветскую категорию. В тоже время, нельзя сделать обратное заключение, якобы в местах, где были уничтожены иностранные евреи был автоматически воздвигнут мемориальный знак. Без частных лиц или инициативных групп, ходатайствующих перед местными властями, либо как на примере Румбулы, союзными властями, памятники еврейским жертвам не ставились.

Примечания:

1. Кринко Е.Ф. Великая Отечественная Война: Формирование пространства исторической памяти / Матишов Г.Г. // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества. Материалы Международной науч. конф. (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог). Ростов-на-Дону, 2010. С. 21-27
2. Указ Президиума Верховного Совета СССР об избирательных округах по выборам в Совет Национальностей // Правда, № 248, 17.10.1945; URL: http://www.knowbysight.info/1_SSSR/07705.asp.
3. Диманштейн С. В ответ на вопрос, составляют ли собой евреи в научном смысле нацию // Революция и национальности № 10, 1935. С. 77; Simon G. Nationalismus und Nationalitätenpolitik in der Sowjetunion. Baden-Baden, 1986. S. 81.
4. Poljan P. Hätte der Holocaust beinahe nicht stattgefunden? Überlegungen zu einem Schriftwechsel im Wert von zwei Millionen Menschenleben / Hürter J., Zarusky J. // Besatzung, Kollaboration, Holocaust. Neue Studien zur Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden. Schriftenreihe der Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, Bd. 97. München, 2008. S. 12-13; Полян П. Иностранцы в Гулаге: Советские репрессии против иностранноподданных // URL: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0147/analit03.php>.
5. Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. Власть и Антисемитизм. Москва, 2001. С. 188-189; Poljan P. Hätte der Holocaust beinahe nicht stattgefunden? Überlegungen zu einem Schriftwechsel im Wert von zwei Millionen Menschenleben / Hürter J., Zarusky J. // Besatzung, Kollaboration, Holocaust. Neue Studien zur Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden. Schriftenreihe der Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, Bd. 97, München, 2008, S. 1-20; URL <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/po16.html>.
6. Государственный архив г. Киева (далее — Госархив г. Киева) Ф. Р-987, оп.1, Д. 143, Л.121-122.
7. Archiv Yad Vashem Ф.М.46, Д.31, Л.35-41.
8. Там же Л.20.
9. Герасимова И. Новая историей старого памятника// Мишпоха № 22, С. 90-98; URL: <http://mishpoha.org/n22/22a21.shtml>.
10. Gitelman Z. Politics and Historiography of the Holocaust in the Soviet Union / Gitelman Z. // Bitter Legacy. Confronting the Holocaust in the USSR, Bloomington, 1997. P. 24; Gitelman Z. History, Memory and Politics: The Holocaust in the Soviet Union // Holocaust and Genocide Studies, Vol. 5, № 1, p. 29.
11. Богов В. Приговоренные нацизмом. Концлагерь Саласпилс: Забытая история. Сборник документальных свидетельств о злодеяниях немецких нацистов и их пособников в годы германской

оккупации Латвии в 1941-1944 гг. Рига, 2011. С. 19-30.

12. Сауснитис К. Саласпилс. Сапаспилсский лагерь смерти. Рига, 1975. С. 2.

13. Богов В. Приговоренные нацизмом. Концлагерь Саласпилс: Забытая история. Сборник документальных свидетельств о злодеяниях немецких нацистов и их пособников в годы германской оккупации Латвии в 1941-1944 гг. Рига, 2011. С. 53.

14. Цейтлин (Буби) Ш. Документальная история евреев Риги. Иерусалим, 1989. С. 334-335.

15. В тексте написано 9-го ноября, но годовщина первой акции 30.11.1941, 10. кислев по еврейскому календарю, была 7.12.1962 г. Из-за того, что 7-е декабря была пятница рабочий день, а потом шабат, митинг был скорее всего перенесен на 9-е декабря. И т.к. митинг состоялся после второго Совета райисполкома, он должен был происходить после 1-го декабря.

16. Цейтлин (Буби) Ш. Документальная история евреев Риги. Иерусалим, 1989. С. 340-341.

17. Там же. С. 347.

18. Там же. С. 352.

19. Gottwaldt A., Schulle D. Die „Judendeportationen aus dem Deutschen Reich 1941-1945. Wiesbaden, 2005. S. 121, 255-259.

20. Банка З., Борисов М., Дмитриев Ю., Карклинь Э., Сауснитис К. Фашистские убийцы перед судом народа, фото С. Фадеева // Советская Латвия 26.10.1965.

21. Герасимова И. Новая история старого памятника // Мишпоха № 22, 90-98; URL: <http://mishpoha.org/n22/22a21.shtml>.

22. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі, (из серии книг Академии Наук СССР Свод памятников истории и культуры народов СССР) Минск. 1988. С. 164.

23. Гісторыя Мінска 2. выд., Мінск 1967. С. 440; Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941-1944. 2. изд. Минск, 1965. С. 24, 442.

24. Богов В. Приговоренные нацизмом. Концлагерь Саласпилс: Забытая история. Сборник документальных свидетельств о злодеяниях немецких нацистов и их пособников в годы германской оккупации Латвии в 1941-1944 гг. Рига, 2011. С. 55д.

25. Национальный архив Республики Беларусь (далее - НАРБ) Ф.123, Оп.3, Д.87, Л.24.

26. Помимо Латвии, в Эстонии, в г. Калеви Лиива на месте массового уничтожения, куда были привезены так же евреи из европейских стран, стоит памятник с надписью, указывающую на жертвы, привезённые из разных европейских государств.

The location of remembrance (memory) of the Nazi's annihilation of Jews in the soviet memorial landscape

Alexandra Tcherkasski

Ruhr University, Germany

Universitätsstr. 150, 44801 Bochum

PhD student

E-mail: Alexandra.Tcherkasski@ruhr-uni-bochum.de

Abstract. This article discusses the soviet memorialization of Jewish victims murdered during World War II. The main attention is devoted to the question of under where and what circumstances Jewish victims occurred, how they were named and interpreted in soviet politics of commemoration and thus also how these determined the forms of remembrance in the memorial landscape.

Keywords: memorialization of Holocaust; soviet politics of commemoration; Jewish victims; Soviet Jews; European Jews; deportations; Salaspils; Rumbula; Jama-memorial; monuments.

UDC 93/94